

ЖЕНЩИНЫ И ПОЛИТИКА

Различные конференции, семинары и «круглые столы» уже давно стали для Фонда «Российский общественно-политический центр» постоянной и привычной составляющей его деятельности. Но только относительно недавно в их ряду выделился своего рода новый жанр, связанный с проведением общественно-политической экспертизы конкретных проектов, программ, целевых установок. Именно в указанное направление и вписывается «круглый стол» **«Женщины и квотное представительство в органах власти»**, проведенный в «РОПЦ» 31 марта 1998 г. Объектом экспертных оценок стали пути и методы вовлечения российских женщин в активную политическую деятельность, способы их эффективного продвижения к рычагам реализации властных полномочий. Фактически речь шла о правомерности или неправомерности позитивной дискриминации, то есть о гарантированном обеспечении для женщин доли представительства в органах власти всех уровней.

В традиции Фонда «РОПЦ» – привлечение к обсуждению проблем носителей самых разных, включая диаметрально противоположные, точек зрения. Весьма уместным оказалось предварение самого обсуждения докладами специалистов в указанной области, которые дали возможность присутствующим ознакомиться с особенностями и следствиями воплощения аналогичных проектов в других странах. Не менее важным представлялся подбор участников «круглого стола», совокупность личного опыта которых позволяла рассмотреть заявленную проблематику с самых разных сторон.

Приглашение на «круглый стол» получили руководители общероссийских и региональных женских объединений, клубов, депутаты Государственной и Московской городской Думы (в том числе – прошлых созывов), Центральной избирательной комиссии, представители политических партий, образовательных и исследовательских центров, средств массовой информации. Самое активное участие в подготовке и проведении «круглого стола» приняли Л.А.Высотина (Объединение женщин за социальную демократию), Н.А.Серякова (Фонд «Новые перспективы»), Т.М.Дмитриева (Государственная Дума).

С обстоятельными докладами выступили Н.М.Степанова («Опыт применения гендерных квот в странах Запада»), С.Г.Айвазова («Квотное представительство в органах власти») и один из немногих мужчин, участвовавших в работе «круглого стола», – президент Международного

фонда избирательных систем Кристиан Надо («Международный опыт поощрения женского представительства в органах власти»).

Как было констатировано, проблема поощрения женского участия в политическом процессе весьма актуальна. Поиски форм подобного стимулирования ведутся почти в 90 странах, хотя сам вопрос квотирования почти повсеместно вызывает острые споры. Собственно говоря, до государственного уровня он доведен только в 6 странах (Аргентина, Бразилия, Бельгия, Корея, Филиппины, Непал), где в соответствии с законами от 5 до 30% мест в парламентах закреплено за женщинами. Как видно из списка, большинство этих стран не являются собой эталоны демократии, во-первых, и не принадлежат к числу парламентских республик, во-вторых.

Куда более распространенным является путь установления соответствующих квот в списках кандидатов политических партий. Иногда такая планка фиксируется законодательно (Коста-Рика), но чаще всего – самими партиями в собственных уставах.

Инициаторами введения системы квотирования выступили социал-демократические, социалистические и «зеленые» партии, которые по своей идеологии и партийной организации оказались более приспособлены к реализации на практике политики позитивной дискриминации. Противникам последней в большинстве случаев оказывались партии либерально-консервативного и христианско-демократического толка, которые рассматривали ее как покушение на принцип свободной конкуренции, как попрание права местных отделений делать выбор на стадии выдвижения кандидатов, и, наконец, как угрозу снижения профессионального уровня депутатского корпуса.

Обращение к позитивной дискриминации часто рассматривалось в качестве вынужденной и временной меры, нацеленной на то, чтобы «подтолкнуть» процесс и ускорить исправление исторически сложившегося «перекоса». Иногда квотирование оставалось на уровне рекомендаций и целевых установок, т.е. на уровне благих пожеланий (например, во Франции, за исключением разве что выборов ее представителей в Европейский парламент).

Как показывает мировой, прежде всего – западный опыт, пропорциональные избирательные системы, при которых выборы осуществляются по партийным спискам кандидатов, более благоприятны для продвижения женщин в национальные парламенты, нежели системы мажоритарные, когда в каждом округе от конкретной партии предлагается лишь один кандидат. В последнем случае местные отборочные комитеты чаще сомневаются, выдвигать ли им женскую кандидатуру, опасаясь, что это связано с риском потери места. Даже в такой стране, как США, где исключительно сильно феминистское движение, речь о квотировании практически не идет. Центральные партийные организации там традиционно слабы, а кандидаты в законодательные органы отбираются самими избирателями в ходе «первичных» выборов.

С учетом набора этих обстоятельств, почву для экспериментов с квотами в России нельзя назвать благоприятной. Половина депутатов Государственной Думы избирается по мажоритарным округам, партийная система еще находится в зачаточном состоянии. Кроме того, некоторые выступающие (например С.Г.Айвазова, Л.А.Высотина) высказали сомнение, что единовременный переход к закреплению за женщинами существенных представительских квот в органах власти не вступит в противоречие с еще распространенными традиционалистскими представлениями о роли и предназначении женщины.

Достаточно откровенны были некоторые из выступавших (депутат российского парламента прошлого созыва И.А.Ануреева, Т.Н.Лунина) в озвучивании еще одного фактора, существенно сдерживающего расширение женского представительства во властных органах. Речь идет о самих женщинах, о женщинах-избирательницах, значительная часть которых при прочих равных предпочитает вычеркивать из списков прежде всего «фамилии баб». Депутат Государственной Думы созыва 1993–95 гг., кандидат в президенты Чувашии Н.А.Бикалова отнесла установление «кооперации и сотрудничества женщин» к числу самых труднорешаемых задач.

Сотрудник ВЦИОМ Е.В.Шпак ознакомила присутствующих с данными опросов общественного мнения, позволяющими судить о долговременной динамике категории тех, кто не горит желанием видеть женщину в политике, во власти. Удельный вес данной группы в российском избирательном корпусе медленно, но неуклонно снижается. Правда, происходит это прежде всего за счет мужчин. Даже в самой Государственной Думе, необходимые подписи, требующиеся для внесения поправок к тем или иным законопроектам, касающимся положения женщин, часто собираются с помощью депутатов-мужчин.

Конечно, соотношение между традициями национальной политической культуры и новыми явлениями в ней очень подвижно и далеко не всегда гармонично.

В какой-то степени лозунг «квотного представительства» является привнесенным извне, как и многое другое, механически заимствованное из современной западной демократии. Отчасти этот лозунг привносили запоздалые отголоски очередной волны феминизма, прежде всего – в его западно- и североевропейском образцах. В определенной мере этот лозунг являлся и побочным продуктом собственного политического развития последнего десятилетия.

Более того, феномен квот для женщин (равно как для молодежи, национальных меньшинств, выходцев из рабочего класса и некоторых других категорий) опирается на собственные политические псевдотрадиции, причем относительно недавние. Существование определенных пропорций никогда не было узаконено формально, но достаточно scrupulously соблюдалось при вступлении в КПСС, при рекрутировании выборных органов. Подобная система просуществовала не одно десятилетие и ушла в небытие только в позднегорбачевский период.

Правда, сразу же следует отметить, что советский вариант «квотного представительства» не оказывал никакого влияния на реальную реализацию властных полномочий.

В данной связи любопытно отметить, что слом советской и копировавших ее восточноевропейских моделей искусственного комплектования псевдовыборных органов существенно «ухудшил» среднестатистические мировые показатели вовлечения женщин в политику. А в России это оставило не у дел множество функционерок из партийных и советских органов всех уровней. Ностальгию по тем временам отчасти могут разделять и те представительницы нового поколения, чьи шансы преуспеть в конкуренции крайне невелики.

Кстати, вне России пик увлечения квотированием уже пройден даже в Скандинавии, наиболее интенсивно его применявшей. А в Англии время прохождения такого «пика» даже возможно точно датировать. В начале 1996 г. двое мужчин, претендовавших на выдвижение своих кандидатур в занятых женщинами (в соответствии с особыми списками) округах, обратились в Промышленный трибунал г. Лидса с жалобой на то, что они стали жертвой дискриминации по признаку пола. Они усматривали нарушение закона в ущемлении их права заниматься определенным видом профессиональной деятельности — в данном случае быть парламентариями. Дело было легко выиграно истцами, и исполком Лейбористской партии не стал оспаривать решение суда. Фактически процесс дальнейшего выдвижения кандидатур в члены парламента на основе чисто женских списков затормозился.

Примечательно, что еще ранее понятия «позитивная дискриминация», «женские квоты» стали быстро и повсеместно выходить из употребления. Вместо них появились юридически выверенные термины «гендерная квота», «равенство полов» и т.п. Практически синхронно это произошло и в России, вызвав цепь переименований не только процессов, но и организаций. Среди приглашенных на «круглый стол», например, значился Московский центр гендерных исследований (Л.Г.Луныкова, Е.Кочкина).

В ходе обмена мнениями на «круглом столе» сторонниц немедленного и безоговорочного установления женских квот оказалось относительно немного. С крайних феминистских позиций выступила разве что Л.С.Михайлова (женская правозащитная организация «Любава» из г. Калуги), охарактеризовавшая управление государством как «мужские оргии» и видящая в квотировании инструмент немедленного преобразования общества. В свою очередь вице-президент Ассоциации «Конверсия и женщины» Г.В.Скороходова надеялась хоть отчасти нейтрализовать квотированием «господство на выборах денег и криминала». Идею установления квот для женщин полностью разделяла и председатель клуба «Леди-лидер» М.В.Федорова, сомневаясь, впрочем, в возможностях ее реализации.

На сей счет имелись и диаметрально противоположные суждения. По мнению члена Правительственной комиссии по улучшению по-

ложения женщин С.Е.Бочаровой, квоты могут даже стать тормозом для продвижения во власть настоящих женщин–политиков. Она высказала опасение, что обращение к квотам способно на деле лишь «легализовать нелегальные советские квоты», что является серьезной угрозой формирующемуся гражданскому обществу.

В ходе обсуждения существенный акцент делался не только на варианте «хирургического вмешательства», под коим понималось введение принудительного квотирования, но и на необходимости, и даже приоритетности, терпеливой повседневной «терапии». В рамках последней предлагалось поставить на профессиональную основу подготовку женщин–политиков (Н.Ю.Товуу из организации «Юрта мира» (Тува) и др.). Взять на себя такую миссию, по мнению выступавших, могли бы как женские организации, так и специальные школы депутатского лидерства, в том числе в регионах.

В данной связи и с аналогичными целями высказывались также предложения сделать «круглый стол» более или менее постоянным (например, представительницей казахского землячества в Москве Р.Джондоговой), определив *«Российский общественно-политический центр»* в качестве его базовой площадки. В числе предложений была отправка материалов «круглого стола» в адрес политических партий и общественных организаций.

Конечно, было бы наивно ожидать, что «круглый стол» вынесет окончательный вердикт в отношении введения или невведения фиксированного представительства женщин в органах власти. Его цель состояла в попытке определить степень политической значимости подобных требований, высветить многообразие подходов к самому феномену «позитивной политической дискриминации», характерных как для активной части женского электората, так и для электората в целом. И эта цель в целом была достигнута. Как представляется, искусственное и форсированное рекрутирование во власть по половому признаку не показалось основной массе участников панацеей в разрешении реальных проблем российских женщин и тем более российского общества.